

5.12.95

Лазарев Евгений

СТРАШНЕНЬКАЯ СКАЗКА

Независимая газ. — 1995 — 5 дек. — с. 7.
Евгений Лазарев ставит и играет по любви

Ирина Глущенко

Премьера

- ВСЕ ГОВОРЯТ, нет современных пьес...

— Надо их видеть. Пьеса Лобозёрова, казалось бы, нехитрая, но какая умная! Написана она очень лихо — то ли анекдот, то ли дурость. Но я увидел в ней божественное начало. О чем пьеса? Об утрате духовного зрения. О том, как мы не видим друг друга, как из нашей жизни ушла религия, ушло уважение к семье, наконец, ушла любовь! А поскольку жизнь разлажена, ее надо заполнить какими-то придуманными проблемами.

— Здесь все время повторяют: надо лезть на крышу, надо лезть на крышу. Потом выясняется — топить котят...

— Правильно. Вот проблема: если мы их не потопим, то и мир рухнет. И это очень удачно ложится на славянский национальный характер: нам дай только вонзиться в спор, в драку. С каким наслаждением мы набрасываемся на скандал!

— Тут все — на парадоксальных переходах. Вроде все хорошо, спокойно, и вдруг ни с того ни с сего шум, крик, чуть не за топор хватаются.

— Скандал вспыхивает в секунду, из ничего, люди разгова-

нынешний сезон, похоже, отличается некоторой благосклонностью московских театров к современной отечественной драматургии. Чеховский МХАТ обращается к Надежде Птушкиной и Ивану Охлобыстину, Театр на Покровке поставил Марию Арбатову, «Мастерская Петра Фоменко» заинтересовалась пьесой Ольги Мухиной. А в театре имени Моссовета вышла деревенская комедия Степана Лобозёрова. Пьеса эта — «Семейный портрет с посторонним» — широко прошла по России, правда, театры давали ей другие названия: «Крыша поехала», «Именины на костылях». В московском варианте она называется «Именины с костылями», зато идет на «Сцене под крышей». О премьере, о современных пьесах — разговор с режиссером спектакля Евгением Лазаревым.

ривают, как идиоты; не слышат мысли, в разговоре улавливают лишь последнее слово. И вот герой. Тимофей — его замечательно сыграл Юрий Кузьменков — человек, который тоже заливал глаза водкой, сломал ногу и лежит без выпивки неделю, вторую, месяц... И — очистился. Очистилось пространство для мысли, для душевной работы. Вдруг ему захотелось праздника в душе. Никто в это не поверил. Подумаешь, алкаш! Он сам не понимает, зачем это организовал, как постепенно его именины превращаются в акт очищения и просветления. И как все ни мешали друг другу, все равно что-то снизошло на эту семью.

— Интересна тема чужака, «постороннего». Прямо Камю. Приехал из города постоялец — молодой, красивый, городской, в черном пальто. Понравился Таньке, молоденькой дочке Тимофея. И кажется — у Таньки с

приедем Виктором что-то сложится.

— Но — не сложилось. Молодой человек — такой же зашоренный, душа его так же загнана в потемки, сморщилась, ничего не видит, не слышит — у него язва желудка, больная жена, холодная квартира, сам лозунги по клубам рисует. Это не бытовая пьеса, не Шукшин, не Абрамов. Ее нельзя поселять в быт, в ползучий реализм. Здесь есть правда психологических всплесков, правда концепции, если хотите. Но надо было определить жанр. И мы решили: сказка. И отсюда тряпочки, лоскутные коврики, тулупчики из разноцветных кусочков...

— И Бабка, и Внучка, и Кошка.

— И Собака, которая говорит человеческим голосом...

— Сказка страшенькая получается. Но зрителям нравится.

— По-моему, период бульварного бума проходит. Так же как исчезают коммерческие киоски с тротуаров.

— Вы играете три роли в театре имени Моссовета, ставите третий спектакль в этом театре — до этого были «На бойком месте» и «Дорогая Елена Сергеевна»...

— Добавьте еще три спектакля, которые я выпустил со студентами ГИТИСа, не говоря уже о том, что сыграл две роли и поставил шесть спектаклей в Америке.

— Так кем же вы себя ощущаете — актером или режиссером?

— Скажу немного высокопарно: художником. Я себе сейчас позволяю жить так шикарно, что ставлю и играю по любви. Как душа ляжет.

Тимофей — Ю. Кузьменков, Бабка — Н. Ткачева.